

Сергей Анисимов

Лишний

Часть сборника
А зомби здесь тихие (сборник)

Сергей Анисимов

Лишний

«ЭКСМО»

2013

Анисимов С.

Лишний / С. Анисимов — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-457-35250-6

«...Молчит, не говорит ничего. И голову опустил. Я подождал немного и так спокойно ему говорю: – Даниил, я же все видел. Ты не заметил? Я же совсем рядом был: я промахнулся в того немца с нагана. Ты на моих глазах трех разогнал. И двух заколол. Причем так, как я не видал еще: а я в штыковых бывал, знаешь ли... Почему они от тебя побежали? Что может заставить немецкого пехотинца... И вот тут меня натурально осекло. Я заметил, как Решетов на свою грудь поглядел. И только тогда увидел. Помню, очень аккуратно я свою гранату в сторонку отложил. Посмотрел на нее... Секунду, наверное, не мог взгляда отвести от этой гранаты, настолько мне страшно было. Потом решился, отвернулся от нее все-таки. Подошел к Решетову. Тот молчит. Господи, какими словами это сказать-то?.. Ох, сейчас ты точно решишь, что я псих...»

ISBN 978-5-457-35250-6

© Анисимов С., 2013

© Эксмо, 2013

Сергей Анисимов Лишний

По некоторым соображениям этического порядка я не мог опубликовать это интервью на сайте «Я Помню» (www.iremember.ru) в разделе «Пехотинцы». Почему? Думаю, вы поймете сами, когда прочтете приведенные ниже воспоминания.

И.А.: Меня зовут Акимов, Иван Федорович. Я родился в 1921 году в городе Новониколаевске так называемого Сибирского края, – сейчас это Новосибирск. Тогда это был сравнительно небольшой город, но главное впечатление моего детства – это непрерывное бурление жизни, непрерывное строительство. Еще когда я был маленьким и учился в начальной школе, в городе построили вещающую на всю Сибирь крупную радиотелеграфную станцию, завод радиодеталей, химический завод, реконструировали и во много раз расширили металлургический. Тогда же по городу был пущен автобус, построено большое количество многоэтажных домов, полностью преобразивших город моего детства. Мой отец, Федор Адамович, работал слесарем в механической мастерской, а с 1929 года – мастером механического цеха на заводе «Сибкомбайн», мама работала швеей в ателье на улице Ленина. Жили мы, как я понимаю, совсем не плохо, – хотя по нынешним меркам нас сочли бы бедняками. Но, во всяком случае, мы не голодали, были нормально одеты, а у моего старшего брата даже был свой собственный велосипед, что тогда считалось редкостью.

На товарной станции и вокзале в те годы непрерывно гудели и пыхтели паровозы разных марок, и моим любимым развлечением, помню, было смотреть на все это движение. Я знал назубок все типы существовавших тогда локомотивов, дружил с железнодорожниками, выполнял какие-то их несложные поручения и уже классу к пятому или шестому был полностью уверен, что тоже стану железнодорожником. Помню, что родители, с которыми я делился своими желаниями и планами, совершенно не препятствовали моему увлечению, хотя я частенько приходил домой грязный, в испачканной угольной пылью или следами масла одежде. Наоборот, они поддерживали меня, особенно отец: профессия железнодорожника тогда считалась очень уважаемой. Ближе к старшим классам я решил стать не просто машинистом, а железнодорожным инженером, – «инженером-путейцем», как тогда говорили. Опять же, отец меня твердо поддерживал: он сам был рабочим человеком, хотя и без образования, и мой выбор ему понравился. Чтобы осуществить свою мечту, я решил ехать в Читу поступать в Забайкальский институт инженеров железнодорожного транспорта или в такой же институт в Хабаровске. У нас в Новосибирске был свой собственный институт инженеров железнодорожного транспорта, это был бывший факультет Сибирского института инженеров транспорта, размещавшегося тогда в Томске. Но в 1934 году его сделали «Институтом военных инженеров транспорта», а быть военным мне не хотелось. Чтобы стать инженером-путейцем, конечно же, надо было очень хорошо учиться в школе, и я прилежал на учебу. Хотя круглым отличником я не стал, но по математике, физике, химии, русскому и немецкому языкам у меня были только отличные отметки, – да и по физической культуре тоже. Как и все пацаны, я много времени проводил на Оби, отлично плавал несколькими стилями, зимой лихо гонял на коньках и лыжах, а летом до темноты носился по футбольному полю. Позже, когда в нашей школе началась допризывная подготовка и нас начали водить в тир и на стрельбище, я научился отлично стрелять. На моей груди висело несколько значков, включая «Ворошиловский стрелок 2-й степени», и это было предметом моей большой гордости и зависти многих моих товарищей: значок 2-й степени давали только за выполнение норматива по стрельбе из боевой винтовки. Еще у нас с братом на двоих была одна собака, сука овчарки, которую мы потом сдали служить на границу. Ее звали Гайра, и это

была умнейшая собака, все понимала и даже смеялась всей пастью, когда мы шутили. Как я ее любил!

Что еще сказать? Я рос третьим ребенком в семье, а вообще у меня было четверо братьев и сестер. Войну пережили только я и самая младшая сестра, хотя она тоже искалеченная вернулась. Обычное дело... Отслужив срочную, старший брат к 1941-му был уже в запасе, работал на металлургическом заводе. Хотя у него была «бронь», но к зиме 1941 года он как-то сумел добиться призыва, ушел на фронт рядовым, и почти сразу же, как я теперь понимаю, погиб. Тяжелое было время, самое тяжелое... Второй брат и старшая из двух моих сестер погибли в 42-м, почти одновременно. Уцелевшую младшую сестру, ее зовут Ира, тяжело ранили в 1943-м на Курской дуге. Вражеский самолет «Хеншель» проштурмовал ее санитарный поезд, и ей крупным осколком очень тяжело повредило бедро и коленный сустав; нога потом так и не восстановилась. Она живет сейчас в Омске, куда уехала к мужу. И еще у старшей сестры ее вдовый муж погиб – почти в конце войны, уже в 1945 году, в бою с какими-то окруженцами. А двоюродных братьев и сестер, дядек, – этих и сосчитать сложно, сколько полегло. В Сибири семьи тогда большие были, мужиков много было, девок молодых, – и почти все воевать пошли. Очень немногие, кто в моей семье вернулся с войны живой и непокалеченный... А отца вот не взяли, как он ни бился. Его завод тогда день и ночь собирал истребители, и на отце слишком многое в работе цеха держалось. Я помню, как он переживал, даже после войны: так и не пошел воевать, хотя буквально бился за это, – а двое сыновей и дочка полегли...

С.А.: Про себя расскажите, пожалуйста. Как вы пошли в армию?

И.А.: В отличие от многих моих товарищей по школе, по двору, я не собирался идти после школы в военное училище. Хотя тогда это было не просто модно, это было почти повсеместно, что ребята после школы шли в танковые, в летные, в военно-морские училища. Особенно спортивные ребята, заводилы, кто хорошо учился, капитаны дворовых футбольных и волейбольных команд. Другие выбирали пехотные, авиационно-технические и так далее, кому что нравилось. Кавалерии уже тогда мало было, а у нас город индустриальный, и мы все уже в те годы на моторы больше полагались, чем на лошадей. Меня тоже и ребята звали поступать с собой, и преподаватель военного дела очень нахваливал, каким хорошим командиром я могу стать, – но я твердо сделал выбор и стоял на своем. Мы все, кстати, прекрасно знали, что скоро война будет, но мне как-то казалось, что может обойтись. Хотя трусом я не был, конечно: мне и драться приходилось, и все такое. Город у нас был хулиганский, ребята крепкие, и драки у нас бывали будь здоров! Хлюпиков мы презирали. Но все по-честному: со спины не нападали, упавшего не били, втроем одного тоже не сметь. Здорово было, как я сейчас вспоминаю! Лихо! *(Смеется.)*

Ну вот. В 1939 году я окончил 10-й класс и подал документы в Забайкальский институт инженеров железнодорожного транспорта, про который я уже говорил. Все экзамены я сдал успешно, и даже немецкий язык, за который опасался, – и меня приняли. Один год я отучился, жил в общежитии, – но потом мне пришла повестка, меня призвали в армию. Что ж, мне это тогда все было понятно. Прошла тяжелая финская война, в Читу в госпитали привозили тяжелораненых. Были конфликты на южных рубежах, все время сообщали о провокациях на западной границе. «Освободительный поход» в Бессарабию, конечно. В общем, я тогда сам для себя решил, что если меня призывают, значит, правительство понимает, что подготовленные солдаты сейчас нужнее стране, чем будущие инженеры. Большая война могла вот-вот начаться: или с Японией, или с Германией, – а мне еще сколько учиться было! Я прошел две комиссии, медицинскую и мандатную, и меня направили в пограничные войска НКВД.

С.А.: Что было на мандатной комиссии?

И.А.: Ну, мы заполняли документы, формы, анкета была довольно подробная. Всех строго спрашивали про успехи в учебе, про склонность к каким-то определенным предметам, про спортивные успехи. Про родителей, конечно, про родственников. Но мне бояться нечего было – отец мастер, старший брат рабочий, мать швея. Остальные братья и сестры еще школьники, родственники – сплошь рабочий класс: слесаря, кузнецы, шофера. Родители отца были тоже рабочий класс, а мама была сиротой, ее бабушка одна вырастила, потому что ее муж, мамин отец, погиб на Оби еще до революции. Что касается меня, то я хотя был и не особо высок ростом, но был хорошим спортсменом, отлично стрелял, бегал, – в том числе и на лыжах. Член ВЛКСМ, конечно. И то, что я уже стал студентом по технической специальности, – это тоже считалось очень важным. Большинство призывников в те годы были, конечно, деревенскими. И хотя они были крепкими, здоровыми ребятами, я имел над ними большое преимущество в образованности, в технической грамотности. В общем, когда мне сказали, что направляют меня в пограничники, я особо не выкаблучивался. Надо, значит надо!

Учили нас, надо сказать, здорово, – просто здорово. Все молодые пограничники были отличными спортсменами, нас учили драться руками, ножами, штыком, даже лопатками и топориками. Учили многим видам оружия, в том числе иностранного производства, например германским «Бергман» MP-18/I, MP-38, чешским системам стрелкового оружия. Это все мы умели разбирать и собирать, устранять неисправности оружия, стрелять из него. Стрелковой подготовке очень большое время уделялось! Учили немецкому языку, и не *«Anna und Marta baden. Anna und Marta fahren nach Anapa»*, а как быстро выяснить у пленного, где командирский блиндаж, где проложен кабель связи, – таким вот вещам. Именно там я научился водить мотоцикл и машину, хотя это ни разу мне потом не пригодилось, и до сих пор вот не понадобилось... (*Усмехается, вытягивает вперед протез кисти руки.*) Политическая подготовка, разумеется, – этого тоже было много. И мы серьезно к ней относились, без смешков каких-нибудь. Не фланили. Еще с собаками нас учили обращаться – как вести собаку по следу, и наоборот: как сбить со следа, как драться с собакой. Это мне совсем легко было, я все свою Гайру вспоминал. Даже какие-то основы психологии нам преподавали: как допрашивать, как узнавать, что человек тебе врет. А все остальное – это, конечно, сплошь физподготовка: бег, рукопашный бой, плавание, силовые упражнения. Я вот гирями тогда увлекся.

В общем, когда меня отправили на западную границу, я был уже вполне подготовленным бойцом и пользовался некоторой известностью как спортсмен. Я имел призовые места по стрельбе и легкой атлетике и категорию по шахматам, между прочим. Девушек это все впечатляло, как я помню. (*Смеется.*) Тогда девушки правильные были, – им требовалось, чтобы парень был красивый, спортивный и умный, чтобы разговор мог поддержать. Этого всего было достаточно! А что я был не командиром, а «отделенным командиром», – это было неважно. Я был в том возрасте, что мог и до генерала дослужиться, если повезет.

Граница... Да, это серьезное было дело, конечно. Мы там ворон не ловили. Самые настоящие были перебежчики. Самые настоящие шпионы. Прочие «нарушители пограничного законодательства», как у нас их тогда именовали. За год службы на заставе № 2 сам я ни одного шпиона или перебежчика не поймал, – что с нашей стороны, что с той. Но практику получил хорошую. И стреляли в нас с той стороны, из-за речки, и собак наших местные травить пытались. Всякое было. Непростое было время. Предгрозовое – это ясно чувствовалось. Как пролетит над головой разведчик с крестами – так смотришь на него и думаешь: «Ну, сколько ты нам еще дашь, сволочь? Месяц? Два месяца?» Потом наши «ястребки» нагонят его, ведут обратно к границе, будто заблудившегося, а мы все смотрим, и у каждого, глядишь, желваки под кожей ходят.

С.А.: То есть действительно понимали, что война будет?

И.А.: Не просто понимали. Знали. Считали буквально недели. Пограничники-то непрерывно в боевой готовности находились, причем не только заставы, а все войска. В апреле 1941 г. меня перевели в штаб нашего погранотряда, который располагался в Гродно. Это был 86-й пограничный отряд Западного пограничного округа. Там я это все уже, можно сказать, с колокольни видел.

С.А.: Что для вас показалось самым важным за этот год?

И.А.: Самым важным? Верить себе, пожалуй. И другим. Если я иду по дороге с нарядом, и вот что-то не нравится мне придорожная канава, самая обычная, – я тут же жестом подаю команду «Внимание!». Не стесняясь того, что надо мной смеяться будут, понимаешь? Один «держит» эту самую пустую и открытую на все стороны канаву оружием, один обходит, один прикрывает обходящего. Кровь кипит буквально, в ушах чуть не булькает, – что там, кто? Каждую черточку на грязюке видишь. И вот обходишь ты эту канаву, проверяешь ее, и понятное дело – никого там нет. Но вот то место, где час назад кто-то сидел, ты буквально чувствуешь метров с десяти. «Читаешь» его. Прелые листья чуть примяты, травинки повернуты наискось: конечно же, этого мне ничего видно не было с дороги, но ведь почувствовал же как-то! Начинаешь копать – раз, сигаретный окурочок под листья закопан. Свежий еще, белый, горелым табаком пахнет. Значит, не шпион и не наш, из проверяющих, – профессионал не будет курить в таком месте. Уже легче. Ну, дальше все как учили. Натуральная работа. Иногда ловили даже не шпиона или контрабандиста, а просто дурака какого-нибудь в погранзоне, – с ним потом без нас разбирались, это нормально все было организовано. Но полученную перед строем благодарность за найденный под листьями окурочок – вот это я на всю жизнь запомнил. В том смысле, что надо себе верить, своим чувствам. И на всю жизнь я с собой это убеждение пронес, до самой главной истории в своей жизни, – я еще расскажу об этом дальше.

Как война начиналась? Где-то в час ночи 22 июня 41-го нас подняли по тревоге, весь личный состав. Мы разобрали оружие из пирамид, получили боеприпасы, включая гранаты «РГ-41» и «РПГ-40», противогазы. Часть находившихся в распоряжении штаба погранотряда подразделений сразу автотранспортом выдвинули к границе. Одну сводную роту под командованием капитана Тимофеева оставили в расположении штаба, и вот всех вместе нас там и накрыло, когда началось. Как стало ясно, немцы прекрасно знали, где располагался штаб погранотряда, и в 6 утра звено пикировщиков положило три полутонных бомбы прямо под стены штабного домика. А ведь он был замаскирован на окраине городка как «просто так себе домик», беленький такой. Бункер под тем домиком был рассчитан на тонну – вот этого они не знали. Хотя человек десять погибло, начальник отряда уцелел, и большая часть командиров. Завал мы бы не растащили, но они выбрались через второй выход, метрах в пятидесяти был бетонированный колодец с крышкой, оформленной под беседочку. Но все в мелу были, в грязи, в крови. У кого кровь из носа течет, у кого из ушей... К этому времени бои на границе шли уже часа два: первой их волне ребята хорошо кровь пустили. С подготовленных позиций они неплохо десантников проредили, молодцами. Ну, а потом наша очередь пришла. Все все понимали, конечно. Пограничные войска в принципе не могли отразить вторжение, у нас была другая задача. Задержать противника на часы, чтобы успели по тревоге получить оружие и боеприпасы уже собственно войска, армейцы. Чтобы танкисты машины свои из парков вывели, чтобы артиллерия за тягачи уцепилась, – и вот уже тогда война пойдет. Мы ведь что думали? Что у нас такая силища позади, такая мощь! Что нам, советским людям, главное дать размахнуться как следует, – и никто перед нами не устоит, всех снесем, раздавим к такой-то матери! Понимаешь? Нам по 18–20 лет было, и мы не дураки были, в погранвойсках-то. Мы абсолютно ясно понимали, что вот сейчас мы все погибнем, в этом бою, – но все равно, такое настроение было! Бодрое, боевое! Мол, «Эх, ну

сейчас мы подеремся, покажем вам, суки! Пусть ляжем, но как ребята подойдут, от вас от всех мокрое место останется!»

С.А.: Мне уже приходилось такое слышать. Даже похожими словами.

И.А.: Слышать... Мне 20 лет было, ни одного прыща на роже, мышцы гимнастерку распирают. Комсомольский билет на груди, винтовка «обр. 1891/30 г.», боеприпасы, холодное оружие, все как положено. Мы просто не могли оставаться на месте, когда ребята там впереди дерутся. И хорошо, что начальник отряда, пусть контуженый, не стал роту раздирать. Понимал, конечно, что смысла нет, взводами заставы не выручишь, а один хороший удар – это хоть какой-то результат может дать. В общем, часам к 7.30 мы пешим порядком вышли в район расположения одной из наших застав, где было особенно жарко. В других уже затихало, если по звукам судить, а здесь все ревет, грохочет, лязгает, – как в механическом цеху у бати. Немцы, конечно, были в 1941 году лучшей армией в мире. И не просто наглыми они были, а действительно умелыми вояками, ничего не скажешь. Но мы тоже были не лыком шиты: погранвойска НКВД – это не саперы какие-нибудь, мы драться тоже умели. В общем, капитан Тимофеев вывел мой взвод прямо на жопы фрицевской пехоты, которая так умело и деловито была наших ребят, отстреливающих из остатков «подковы» к северу от заставы, и дожигала саму заставу. Начали мы с того, что тихо и спокойно перекололи расчеты минометов, которые наших закидывали этим своим добром... Калибр небольшой, главное, но скорострельность великолепная, а точность просто удивительно какая. Много мы горя навидались от этих «самоваров» за следующие годы... В общем, когда немецкие минометчики оторвались от своих бандур и обернулись на наш топот, мы уже были от них в каких-то метрах. Тогда-то я первого своего взял, – так сказать, окупил себя на всю будущую войну. Не буду врать, ни лица не запомнил, ни цвета глаз или прочего, – просто серая такая фигура, четкое осознание того, что это враг, – и на бегу я в него штыком даю по самую мушку. Нас учили, как правильно колоть, но я ничего не думал, что бить туда-то, на какую глубину, чтобы штык не застрял... Просто дал, разворотил ему бок к той самой его немецкой бабушке, выдрал, – он падает. Добил одним уколом уже в грудь, в ребра, – и пошел на следующего. Ребята работают, хруст стоит, хэканье, как на лесоповале. Ух! Долго потом мне эти звуки снились... А тогда ничего...

Ни одного выстрела не было, но немцы быстро прочухались, ничего не скажешь. И когда мы с минометчиков слезли, первый взвод уже всюю с пехотой воевал. Капитан опять всех выручил. Если бы мы залегли, начали перестреливаться, – там бы все и остались, без толку. А он долго не думал: «Второй взвод, развернуться в цепь, влево! Третий взвод – вправо! В атаку, за мной, ура!!!»

С.А.: «За Сталина» не кричали?

И.А.: Нет, только «ура» и мат. В общем, прямо через огонь мы как побежали... Каждый шаг под ногами, – как последний. Пули свистят слева, справа. Кто-то валится рядом, кто-то вопит. И сам вопишь, как чумной, – чтобы страх заглушить, ясное дело. И страшно уже стало, и все равно весело, вот что было интересно. Из винтовки на бегу не постреляешь, но один-два «ППД» на отделение у нас были. «ППД-34/38», хороший пистолет-пулемет, с мощным патроном, только тяжеловат и не такой надежный, как «ППШ» потом. Магазин был коробчатый, – «рожковый», как у нас говорили... Добежали, те навстречу поднялись уже. Гранаты шарахнули, и тут же мы с ними сцепились, начали резаться... Тут уж не до выступлений о патриотизме, тут сразу видно, кто чего стоит. У пехотных немцев образца 1941-го были стальные нервы, без шуток. Умели они марку держать, надо им отдать должное. Не хуже нас были бойцы. Уже и видно было, чей верх, а ни один руки не поднял. Нас раза в полтора больше было сначала, но пока мы через автоматы прошли, силы вроде как и сравнялись. Нам бы хуже пришлось, если бы ребята с заставы им в спину не дали. Поднялись из окопов, и своей жидкой цепочкой на нас их погнали, причем с таким ревом, будто дивизия

идет. Я еще двоих взял: обоих «штыком и прикладом». А что, прикладом не хуже, чем штыком можно действовать, если сила есть и глаз верный. Мне бедро чуть поцарапали, едва-едва под кожей прошло, даже не больно было. И еще на каске была ссадина и вмятина, будто самому прикладом дали, но я не помню ничего. Как будто сама собой эта вмятина появилась. Нет, не помню.

Потом мы отходили, конечно. На всю жизнь мне эти дни запомнились. Уцелевшие ребята с заставы с нами отходили, все черные от копоти, жуткие. Еще я запомнил, что с нами женщина была, и не медик, а жена одного из командиров, не помню фамилию. Он еще в самой «подкове» погиб, а она с нами шла. Немцы по пятам, конечно, – и не просто по пятам, а уже спереди, с обеих сторон. На Гродно мы уже не пошли, пошли вбок куда-то. Петляли как зайцы. Останавливались, когда совсем уже некуда было, давали огня, потом снова выдвигались как-то. Жуткие дни... Жажда непереносимая, – вот что мне запомнилось особо. Даже убитых я так не запомнил, даже стычки, как жажду. Июнь 41-го был холодным, вообще-то, но вот так мне это запомнилось, на всю жизнь...

Числу к 25-му я стал уже младшим командиром взвода, но это все условно было, конечно: к тому времени от сводной роты штаба погранотряда и остатка личного состава пограничной заставы нас оставалось человек 30–35. Сначала мы хоронили убитых, потом и это делать перестали: немцы у нас прямо на штанах висели, когда мы через леса продирались. Но раненых мы выносили, как могли. 27 июня и меня ранило, в одной из стычек. И сразу тяжело... Я как взглянул на свою руку, так сразу и понял, что отвоевался. В медицине я не понимал ничего, конечно, но и так было ясно: все, инвалид. Одно хорошо, – ноги были целы, и я никому обузой не стал. Товарищ как-то обработал мне обе раны, замотал руку марлей, просто поверх всего, – и пошел я дальше, только зубами от боли скрипел. Гранатную сумку я под левую руку перевесил, – думаю: «Подорваться и одной рукой сумею, если что». Худо мне было, чего говорить, – и лихорадка пошла, и жажда еще пуще: вроде и пьешь из ручьев, бочагов, а все не напиться никак. Но уже через пару дней мы соединились с пехотинцами из состава 56-й Стрелковой дивизии, силой до неполного батальона, – а позже к нам присоединились артиллеристы, и еще танкисты из 11-го мехкорпуса, но без танков. Там уже и военврач был, и командиры, и вообще воля чувствовалась: у нас сразу настроение поднялось как-то, хотя мы все так и отходили на восток. В общем, где ползком, где с боями, к концу второй недели июля мы добрались до линии фронта, и одной группой сумели пройти ее ночью даже без большого шума. От нас, пограничников, вышло к своим человек 20, во главе с тем же капитаном. Мы были уверены, что он орден Ленина получит как минимум, но награды тогда никакие не давали: за что давать, если войска отступают?

С.А.: Проверка какая-нибудь была?

И.А.: Была, но ничего особенного. Мы вышли с оружием, с ранеными, с трофеями. Я сам был ранен, но нести меня не пришлось, и винтовку я не бросил. Документы сохранил, комсомольский билет. Чего меня проверять? Так что меня быстро отправили для начала в ближний госпиталь и прооперировали, сделали хорошую культю. Но там я и двух суток не провел, – меня тут же дальше в тыл. Думал: все, отвоевался... Но настроение было, знаешь... Не скажу, что совсем уж убитое. Во-первых, я свой долг выполнил. Трех врагов в ближнем бою, а может и пулей кого-то добыл, не знаю. За всю войну я больше ни одного врага не убил, а в 41-м вот успел. Интересно, что холодное оружие за войну давало десятую долю процента от всех ранений, – но у меня вот так сложилось, как я рассказал. Ну, а еще что? Я все-таки остался не совсем калекой. Мне ампутировали кисть руки, пусть и правой, – и вторая рана прищлась в мякоть той же руки, в плечо. Но у меня были целы обе ноги и вторая рука, была цела голова. Я был еще молодой. Понятно, что война идет страшная, каждый человек на счету. Я четко понимал, что надо пользу приносить! Так нас воспитали, что никаких сомнений у меня не было. Думаю: ну ладно, путейца теперь из меня не получится,

как я чертить буду? Но преподавателем после победы я всегда успею стать или даже завхозом каким-нибудь. На худой конец – даже сторожем на складе, лишь бы у матери с отцом на шеях не сидеть. А пока, может, инструктором в школу сержантов возьмут или в какое-нибудь училище. Или еще куда, где и с одной рукой можно служить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.